

Лохматый Эрдель, принюхиваясь, шел по прямой дороге. Раньше он не бывал здесь, однако его вел след сородича — его предшественника. Он отправился в это путешествие не по своему желанию, однако, будучи вышколенным псом, безропотно смирился с предстоящей задачей. Он шел в одиночестве, здесь не было знакомых ему людей, и он давно упал бы духом и сдался, если бы не бесчисленные следы прошедших до него собак, сулившие награду — дружескую компанию — в конце пути.

Местность поначалу казалась унылой, ибо внезапный переход от недавней агонии к свободе от мук оказался столь ошеломляющим, что Эрдель не сразу оценил в полной мере, как все вокруг прекрасно подходит для собак. Тут были леса с усыпанной листьями землей, по которой так хорошо носиться; поросшие травой склоны для длительных пробежек; озера, в которые можно прыгать за палкой... Но он не стал заканчивать последнюю мысль, ведь мальчика с ним не было. На него нахлынула тоска по дому.

Он с облегчением увидел далеко впереди огромные ворота высотой до небес, такие широкие,

чтоб в них мог пройти кто угодно. Он понимал, что возвести такое мог только человек, и, получше присмотревшись, разглядел людские фигурки, проходящие через ворота к чему-то лежащему за ними.

Он пустился бегом, чтобы поскорее добраться до этого прекрасного творения рук человеческих, однако мысли опережали его лапы. Он вспомнил, что там, позади, осталась его семья, и это замечательное новое место перестало выглядеть идеальным — ведь там не будет близких.

Запах собак тем временем стал очень сильным. Приблизившись, он с изумлением увидел, что множество его предшественников все еще сидело по эту сторону врат. Они расселись широким кругом по обеим сторонам от входа: большие, маленькие, кудрявые, статные, дворняжки, породистые — всех возрастов, комплекций и нравов. Все, очевидно, ждали чего-то или кого-то. Заслышав топот лап Эрделя, они поднялись и посмотрели в его сторону.

То, что всеобщий интерес сразу угас, как только они поняли, что новоприбывший — собака, озадачило его. В его прежнем месте жительства

четвероногого собрата приветствовали с энтузиазмом, если тот был другом, с настороженной вежливостью, если тот был незнакомцем, или со жгучим негодованием, если тот был врагом, но никогда не игнорировали полностью.

Он вспомнил, что ему доводилось видеть много раз на больших зданиях с разукрашенными входами. «С собаками вход воспрещен» — гласили таблички. Он испугался, что, может быть, поэтому у врат собрался круг ожидающих. Не исключено, что этот величественный портал служил границей между простыми собаками и людьми. Но он был членом семьи: участвовал с людьми в шумных играх в гостиной, сидел за обедом рядом с ними в столовой, шел наверх ночевать вместе с ними. Мысль, что «с ним нельзя», была невыносима.

Он презирал покорных собак. Они должны относиться к этой преграде так же, как относились к преградам в прежнем месте проживания: прыгать на нее, облаивать и царапать красиво выкрашенную дверь. Он бегом спустился с последнего холмика, намереваясь преподать всем пример, как надо себя вести, ибо все еще был полон мятежного духа старого мира; однако не обнаружил двери, на которую можно было бы наскочить. Он видел по ту сторону огромные толпы людей, однако ни одна собака не пересекла границу. Четвероногие продолжали терпеливо сидеть вокруг, оставившись на извилистую дорогу.

Он осторожно приблизился, чтобы рассмотреть врата. До него дошло, что, возможно, сейчас сезон мух, а он не желал выставлять себя дураком перед кучей незнакомцев, пытаясь прорваться сквозь невидимую сетку от насекомых, как когда-то щенком. Однако никаких преград видно не было, и его охватило отчаяние. Что за суровое наказание, заставившее оставаться по эту сторону ведущей к людям арки, понесли эти несчастные звери? Чем они заслужили такое? Его стали мучить угрызения совести: крал кости, убе-

гал из дома на целый день, спал в лучшем кресле до того мгновения, когда в замок вставляли ключ. Все это были его грехи.

В этот момент веселый с виду белый английский бультерьер с темно-каштановыми пятнами приблизился к нему и дружелюбно обнюхал. Как только бультерьер понюхал его ошейник, то продемонстрировал, насколько рад встрече. От такого теплого приема сдержанность Эрделя дала трещину, хотя он не знал, что и думать.

— Я знаю тебя! Знаю! — воскликнул бультерьер и тут же нелогично добавил: — Как тебя зовут?

— Тэм о'Шантер. Они зовут меня Тэмми, — ответил пес чуть надломленным (что понятно) голосом.

— Я с ними знаком. Хорошие люди.

— Лучшие на свете. — Эрдель старался выглядеть непринужденно и потому стал чесаться, чтобы избавиться от несуществующих блох. — Я тебя не помню. Когда ты был с ними знаком?

— Около четырнадцати бирок назад, когда они только поженились. Мы здесь следим за ходом времени по биркам. У меня их было четыре.

— Это моя первая и единственная. Полагаю, ты был моим предшественником. — Эрдель ощутил себя молодым и застенчивым.

— Пойдем прогуляемся. Расскажешь мне все о них, — предложил новый друг.

— Нас туда не пускают? — спросил Тэм, глядя в сторону врат.

— Конечно, пускают. Можешь войти туда, когда пожелаешь. Некоторые из нас сразу заходят, но не остаются.

— Снаружи лучше?

— Нет-нет, не в этом дело.

— Тогда почему вы все сидите снаружи? Даже самому дряхлому псу очевидно, что за вратами лучше.

— Видишь ли, мы ждем наших людей.

Окончание следует.

Перевод с английского Евгения Никитина.